

— Хорошо, что у меня нет родственников до третьего колена. А вот тебе, братец Чжао, с твоим огромным семейством стоит побережться.

Ван Ба уставился на парящую над околицей деревни иллюзию — ростовую фигуру Сяо Ба — и его осенило:

— Ба, да это же он! Любимый ученик феи Минъе!

Инь Сянь остался абсолютно равнодушен: у него родственников до третьего колена тоже не водилось. К тому же он тоже узнал беглого преступника. На торжественной церемонии возрождения Бессмертной секты Чжэнъе суверен Сюй Пинчэнь не появился, зато его супруга, фея Минъе, пожаловала лично — как раз в сопровождении своего ненаглядного подопечного Сяо Ба. Тот парень, которого они только что встретили, был избит в фарш, кости переломаны, и то, что сквозь кровавое месиво всё еще угадывался писанный красавец, говорило лишь о феноменальной природной генетике. К тому же после прорыва в царство Зарождающейся Души сама суть его духовной силы претерпела качественные изменения. Теперь он мало походил на холеного, сияющего баловня судьбы в роскошных одеждах, чье лицо красовалось на листовках о розыске. Небо и земля.

— Разве фея Минъе не супруга Бессмертного почтенного Угоу? — изумился Чжао Суй. — О её любимом ученике я тоже наслышан. Говорят, достойный молодой человек, почитает наставников, ратует за справедливость... Как его угораздило?

— Тут такие подводные течения — утянет, и глазом моргнуть не успеешь, — отмахнулся Ван Ба. — Давай шевелись, некогда лясы точить. Если не поторопимся, Чжао Юй нас мигом выследит.

«Натворил дел, а отвечать не хочешь? Ну и тип», — мысленно съязвил Инь Сянь. Тем не менее он зашагал следом, ведя старшего брата Вана к своему роскошному экипажу, чтобы с ветерком докатить до города Гуанъань.

Всю дорогу Чжао Суй из чистого любопытства допытывался:

— Постойте, но ведь первого ученика секты Тайцин звали Дин?

— Так этого Дина я самолично и покалечил, ты разве не знал? — преспокойно отозвался Ван Ба. — Вот Сяо Ба его место и занял. Слышал поговорку: «Государство не может и дня оставаться без правителя»? Так вот, у секты Дацин с этим строго, свято место пусто не бывает. Правда, сдается мне, Сяо Ба этот Дин Цянькунь и подставил.

— А Бессмертная секта Чжэнъе до сих пор держит место первого ученика свободным специально для вас. Старший брат, вы ведь поэтому так дорожите ею? — тихо спросил Чжао Суй.

От этой приторной сентиментальности Ван Ба мгновенно покрылся гусиной кожей.

— Секта у нас и без того замечательная. А сейчас я просто пекусь об общем благе. Кому, как не старшему брату, защищать младших? Это мой долг.

— И всё же, если бы мы не встретились, куда бы вы направились? — полюбопытствовал Чжао Суй.

— Сам же знаешь. Подался бы в Бессмертную обитель Пурпурного Облака.

— До Бессмертной обители Пурпурного Облака путь неблизкий. Духовных сил у вас сейчас нет, а желающих пнуть лежачего в поднебесной хоть пруд пруди. Как бы вы туда добрались?

— Ой, да ладно тебе. Когда мне было шестнадцать, меня банда старых хрычей по всему свету гоняла — и ничего, как видишь, живехонек, — Ван Ба брезгливо отмахнулся. — Хватит сопли жевать. Проблемы надо решать по мере поступления. Вижу цель — не вижу препятствий.

Чжао Суй виновато опустил голову:

— Простите, старший брат, я просто...

Парень прикусил губу. Ван Ба ободряюще похлопал его по плечу и расплылся в улыбке:

— Выше нос! Обещаю, из дома тебя не вышвырнут. У меня в Павильоне Небесных Тайн пара знакомых главредов завалялась. Идём, подкинем им такую сенсацию — пальчики оближут!

Семья Чжао из Лои в иерархии культиваторов котиновалась разве что как элита третьего сорта — из тех, чьих старейшин стадии Зарождающейся Души Ван Ба даже по именам не знал за ненадобностью. Зато в брэнном мире смертных они считались первейшими олигархами. А поскольку чистокровных небожителей в поднебесной рождалось раз-два и обчелся (большинство практиков всё же вышли из простых смертных), то светские сплетни вокруг фамилии Чжао всегда пользовались спросом. Что уж говорить о ситуации, когда в деле замешаны ещё двое: признанная разлучница Ян Чжэн, о которой в последнее время гудела вся округа, и сам Бессмертный почтенный Цзинмин.

Спустя всего полчаса экстренный выпуск новостей, прорвав все заслоны цензуры, лавиной хлынул на просторы Центрального континента. Заголовки кричали: «Эстафета рога носцев? Фея Ян Чжэн пустилась во все тяжкие, а разгневанный Бессмертный почтенный Цзинмин объявляет вендетту!»

Статья была состряпана на редкость изящно. Тот факт, что Инь Сянь отправился на инспекцию Тайного царства Звезд и Луны в качестве официального представителя Комитета по разработке недр, преподнесли как рыцарское сопровождение младшей сестры. Младшую сестру же

изобразили сильной, независимой женщиной новой эпохи с непростой судьбой. Не выдержав тотального контроля, который Инь Сянь лицемерно именовал опекой, она взбунтовалась. По дороге свободолюбивая дева спасла прекрасного юношу — второго молодого господина семьи Чжао, Чжао Юя, — и благополучно сбежала с ним в закат.

А учитывая, что Ван Ба со скандалом изгнали из секты, и формальный статус старшего брата перешел к Инь Сяню, сюжет заиграл красками классической драмы «Улыбка гордого странника», сошедшей со страниц романов прямо в суровую реальность.

Но затем автор статьи совершил резкий кульбит, срывая покровы с язв общества: дескать, пылкие ухаживания Чжао Юя за Ян Чжэн — лишь ширма. На самом деле коварный соблазнитель метил куда выше, пытаясь привлечь внимание самого Бессмертного почтенного Цзинмина! Достаточно взглянуть на Бессмертного почтенного Иньмина — типичного брутального натурала, вечно спасающего девиц из беды, — чтобы понять вкусы Цзинмина. Очевидно же, что Цзинмину по душе плоды, сорванные силой! Перед нами не просто гей, а эталонный, рафинированный альфа-гомосексуал!

Замысел Чжао Юя был тонок и изящен, словно следы косули на скалах, но от зоркого oka нашего репортера ничто не скрылось. По данным эксклюзивного расследования, Бессмертный почтенный Иньмин бесследно исчез после ухода из ордена именно из-за козней Чжао Юя! Дотошный читатель спросит: «Позвольте, но ведь Иньмин стопроцентный натурал! Логично, что Чжао Юй устранял соперника ради Ян Чжэн!» Однако у редакции имеется неопровержимая аудиозапись, где Чжао Юй во всеуслышание заявляет: «Чернь всегда останется чернью!» Отсюда вывод: презирая Иньмина и в грош не ставя фею Ян Чжэн, спесивый аристократ считает равным себе по крови и происхождению лишь одного человека — благородного Бессмертного почтенного Цзинмина.

Как же отреагирует на столь дерзкие притязания сам Бессмертный почтенный Цзинмин? Окружит ли он наглеца холодной яростью или поддастся искушению? Не переключайтесь, подробности в следующем выпуске!

Разумеется, напрямую поливать грязью Инь Сяня Павильон Небесных Тайн не решился — побоялись банального шантажа и последующего судебного иска на астрономическую сумму. Зато Общество Драконьих Лодок — молодой, дерзкий орден, у которого за душой не было ни гроша, зато амбиций выше крыши, — свято чтит кодекс независимой журналистики. Свобода слова превыше всего! Они-то и бахнули эту сенсацию на первых полосах.

Писака из Общества Драконьих Лодок оказалась старой знакомой Чжао Суя — той самой девицей, что утром шныряла по углам в трактире Золотой Чешуи, вынюхивая сплетни. Ван Ба перекинулся с ней парой слов и, выяснив, что утренний слив про каминг-аут Чжао Суя — тоже её рук дело, пришел в полнейший восторг:

— Младшая сестра, да в тебе бездны таланта! У тебя же истинный потенциал Бессмертного почтенного Цзинмина!

Инь Сянь внутри чужого тела чуть не задохнулся от возмущения. Эта нечесаная замарашка, вылитая побитая жизнью фурия, типичный диванный затворник — и он, утонченный эстет в безупречном облачении от лучших кутюрье?! Как их вообще можно ставить на одну доску?!

Тем временем Чжао Суй озадаченно спросил:

— Старший брат Ван, что вы имеете в виду?

Глаза И Кэ за занавесью волос хищно блеснули.

— Погодите-ка, — протянула она. — Сразу и не сообразила... Младший Чжао, а как, говоришь, фамилия твоего спутника? Ван?

Ван Ба поспешил перевести стрелки:

— Сначала под фейковым именем топишь в Павильоне Небесных Тайн беднягу Чжао Суя, потом строчишь разгромную статью против Чжао Юя от лица Общества Драконьих Лодок, стрижешь купоны и там, и тут... С такой коммерческой жилкой ты вылитая сестренка Инь Сяня, потерянная во младенчестве!

Чжао Суй оскорбленно воскликнул:

— Бессмертный почтенный Цзинмин чист душой и помыслами! Он бы никогда не опустился до подобного скандала!

Взгляд И Кэ прорезал спутанную челку, точно луч прожектора во мгле.

— Наш дорогой брат Ван, похоже, слишком близко знаком с почтенным Цзинмином... Впрочем, можете не оправдываться. Я всё поняла.

— Да что ты, черт тебя дери, поняла?! — не выдержал Ван Ба.

Боковым зрением он заметил, как пальцы И Кэ уже лихорадочно строчат на нефритовом планшете: «Стоило мне взглянуть на брата Вана, как по телу пробежала искра — точно статическое электричество, когда снимаешь шерстяной свитер промозглой осенью. Его улыбка греет, подобно первому октябрьскому солнцу, обещая надежду и защиту, но в глубине глаз таится едва уловимая грусть неизбежного финала. Он упорно избегает упоминаний о Бессмертном почтенном Цзинмине, лишь изредка вполголоса браня какого-то „Инь Сяня“. А его первые слова мне? Он сравнил меня с Цзинмином...»

Мать твою за ногу! У этой пиявки, оказывается, еще и маска профессионального фикрайтера припасена! Ван Ба по эманациям её души прекрасно видел: девица знать его не знает, просто

уцепилась за ключевые слова «брат Ван» и «Инь Сянь», чтобы состряпать очередной шедевр. Неудивительно, что она так легко размазала Чжао Юя — перед ним сидел матерый дока в области черного пиара!

— Слушай, — хмуро поинтересовался Ван Ба, — а ты не боишься повестки в трибунал от Цзинмина? Или тяжелого кулака Иньмина, прилетевшего прямо в челюсть?

— Насчет досточтимых мастеров мы пишем чистую правду, подкрепленную фактами, — безмятежно парировала И Кэ. — Закон на нашей стороне.

«Да ладно?! Закон у них на стороне!» — Ван Ба только челюсть уронил от такой наглости. Ладно, рукой махнул:

— Хватит, проехали. Деньги отработаны, претензий нет. Бывай, пиши исчо. Нам пора в секту Дацин. Братец Чжао...

— Я с вами, брат Ван, — Чжао Суй вежливо улыбнулся. — Шишу И, прошу простить за спешку. Увидимся на Великом состязании пяти континентов.

Но И Кэ их уже не слышала. Она с головой ушла в творческий порыв на тему: «Трагедия Бессмертного почтенного Иньмина: как скрытый гей притворялся гетеросексуалом, дабы уберечь великий клан Инь от бесчестья». Подумать только, без пяти минут великий мастер стадии Зарождающейся Души сидит на корточках в пыли у обочины и строчит желтые пасквили! Девица небрежно махнула рукой, отгоняя их, как назойливых мух, — у нее горели дедлайны, словно она готовилась за триста дней штурмовать финал литературной премии Центрального континента.

По дороге к обители Дацин Ван Ба не удержался от вопроса:

— Ты уж извини за прямоту, не хочу показаться снобом... но ты правда собрался на Великое состязание пяти континентов? С твоим-то уровнем?

«Язык у нашего старшего брата без костей», — язвительно подметил про себя Инь Сянь. Однако Чжао Суй лишь кротко улыбнулся:

— Мои скромные успехи в культивации действительно оставляют желать лучшего. Но ведь скоро откроется Тайное царство Звезд и Луны. Я молчал раньше, чтобы вы надо мной не смеялись, но у членов семьи Чжао там свои привилегии. Нам намного проще добыть редкие артефакты и ценные ресурсы.

Ван Ба понимающе хмыкнул:

— А, донат решает! Ну, дело житейское. Тайное царство Звезд и Луны — штука специфическая.

Такие мажоры, как ты, хлеб у нищих аскетов не отбирают. Наоборот, на ваши взносы потом можно будет кучу малоимущих талантов спонсировать.

— Главное, чтобы вы из-за этого не стали ко мне хуже относиться, — Чжао Суй с тихим щелчком раскрыл веер и рассмеялся. Ван Ба хлопнул его по плечу, и они, как старые добрые приятели, покинули пределы города Гуанъань.

Едва добравшись до подножия горы секты Дацин, Ван Ба по старой привычке беззаботно ступил на парадную лестницу. И тут же едва не поймал лицом два встречных энергетических снаряда. Чжао Суй испуганно отпрянул и гневно уставился на парочку адептов стадии Золотого Ядра, парящих в клубах тумана:

— Да как это понимать?! Нападать без предупреждения на мирных гостей? Где это видано!

Стражи Золотого Ядра переглянулись. Тот, у которого на лбу было крупными буквами написано «расходный материал», презрительно выплюнул:

— Парадный вход предназначен исключительно для адептов секты Тайцин и высокопоставленных гостей! Вы-то куда так нагло прете? Вас на месте прибить следовало, скажите спасибо, что мы сегодня добрые. Проваливайте, пока целы!

— М-да, убогие порядки. Даже при дворе династии Чжоу император с императрицей через главные ворота въезжают, а прочая челядь да наложницы — через боковые. Ставлю вашей конторе твердую единицу за сервис, — авторитетно заявил Ван Ба.

Чжао Суй тихонько дернул его за рукав, намекая, что плевать против ветра — идея так себе, и нужно хотя бы изобразить покорность.

Второй страж бесцеремонно толкнул их в грудь:

— Брат, чего ты распинаешься перед этой деревенщиной? С минуты на минуту прибудет фея Фуяо. Не хрен им тут тереться и мозолить глаза уважаемой госпоже!

Ван Ба проникся искренним уважением: столь каноничные снобы в наши дни — редкий дефицит. Инь Сянь тоже мотал на ус этот бесценный опыт, попутно заставляя тело Чжао Суй лепетать извинения и спешно уводить неугомонного Вана подальше от священных рубежей.

Планировка секты Дацин разительно отличалась от устройства Бессмертной секты Чжэнъе. Всею виной был инцидент тридцатилетней давности, когда здешнюю каменную стелу разнесло в щепки, и выставлять напоказ надпись «Секта Дацин» стало попросту неприлично. Однако переносить уцелевшие священные реликвии строго запрещалось канонами, поэтому руководство ордена спешно затеяло масштабное расширение. В два счета отгрохали новые внешние кварталы, а у самого въезда возвели помпезную, сияющую золотом арку с гордой

надписью «Секта Тайцин». Из-за этого коренные обитатели внутренних чертогов питали искреннее презрение к тем, кто селился на окраинах, считая их отребьем и приравнивая к обычным смертным.

У новых ворот и впрямь толпилась уйма народу: мелкие сошки стадии Конденсации Ци и Создания Основания, а также праздные зеваки из числа смертных. Кто-то пришел просто поглазеть на величие ордена, кто-то надеялся выкинутым фортелем привлечь внимание старейшин и в один миг вознестись к вершинам. Разумеется, потасовка с участием Ван Ба и Чжао Суя мигом приковала к себе все взгляды. И надо же было такому случиться, что в этой разношерстной толпе обнаружили знакомые лица.

— Батюшки, Чжао Третий! — карикатурно всплеснул руками Чжао Юй. — Ну и прославил же ты наш род! Ради какого-то мужика ломиться напролом в ворота величайшей секты поднебесной... Какая дикая невоспитанность!

Чжао Суй брезгливо цыкнул:

— Да чтоб вас... Куда ни плюнь — везде ваши рожи!

Ван Ба ядовито усмехнулся:

— Что, щенок, на меня тявкать кишка тонка? Боишься, Инь Сянь шкуру спустит? Ну же, посмотри мне в глаза!

Чжао Юй побагровел от ярости, но едва он раскрыл рот, как Ян Чжэн деликатно потянула его за рукав:

— Брат Чжао, не нужно, оставь его. Не стоит цепляться к старшему брату. Ему сейчас и так несладко, прояви великодушие.

Чжао Юй брезгливо дернул плечом. Впрочем, Чжао Суй эту мнимую заботу не оценил:

— Слышь, девица, кончай воду мутить! Свои дешевые интриги при себе оставь. Наш брат Ван твоему ненаглядному Чжао-второму ничего плохого не сделал!

Ван Ба примирительно похлопал его по плечу:

— Ладно тебе, остынь. Отдадим должок фее Фуяо и свалим отсюда. Думаешь, этих двоих через парадный вход пустят? Разбежались.

Чжао Юй задрал нос к небу:

— Вообще-то фея Ян Чжэн — любимая ученица Бессмертной почтенной Чжэньхай! Мы как раз собирались подняться на пик, пока не наткнулись на вас, парочку ходячих недоразумений.

Ван Ба искренне удивился:

— Надо же, обычный альфонс, а сколько гонору!

Тут и привратник, только что выставивший Ван Ба с приятелем, признал в подошедшей гостье Ян Чжэн. Физиономия его мгновенно преобразилась, выражая рабское подобострастие. Желая выслужиться перед элитой, он с размаху пнул в сторону Ван Ба, истошно визжа:

— Слышь, грязь под ногтями! Как ты смеешь рот разевать на саму фею Фуяо?! Пошел вон, пока кости целы, не смей пачкать взор благородных господ своим присутствием!

— Ты, обычный цепной пес у калитки, её имя треплешь, а мне, значит, нельзя?! — Ван Ба ужом вывернулся из-под удара. Его острый взгляд уловил, как в вышине стремительный росчерк пробил защитный барьер секты. Не теряя ни секунды, он заорал во всю глотку: — Фея Фуяо! Вам тут посылочку просили передать! Светильник!

В то же мгновение налетел порыв ветра, напоенный тончайшим ароматом цветов. Ретивый охранник Золотого Ядра кубарем полетел в придорожные кусты от мощного пинка, а резкий женский голос отчеканил:

— Тупое отребье! С глаз моих долой!

Фея Фуяо оказалась дамой высокой и на редкость миловидной. Чертами лица она неуловимо напоминала Вэнь Цанхая. И дело было не только в портретном сходстве, но и в выражении глаз. Ван Ба ни на грош не верил сплетням, будто практик на пике стадии Зарождающейся Души станет безропотно сдувать пылинки со своего бывшего муженька. Ладно бы речь шла о каком-нибудь жалком Золотом Ядре, коих в крупных орденах как грязи, но Фуяо стояла буквально в шаге от величия Бессмертной почтенной! Ван Ба еще раньше подозревал, что корень их семейных дрызг кроется в банальном: благоверный просто рос в силе слишком медленно и регулярно огребал от супруги люлей...

Заметив Ван Ба, женщина попыталась натянуть дежурную вежливую маску, но сквозь неё всё еще отчетливо проступала паника, отчего лицо её исказилось в весьма причудливой гримасе. Она требовательно протянула ладонь:

— Живо отдай.

Ван Ба пересекался с ней парочку раз и прекрасно знал её истинную суть. Сам он был классическим беспардонным типом, напроочь игнорирующим чужие личные границы, а фея Фуяо — фанатичной мамочкой, застрявшей в иллюзиях идеальной семьи, для которой свет

клином сошелся на её драгоценном сыночке. Так что, проигнорировав её резкий тон, Ван Ба с лучезарной улыбкой извлек из широкого рукава старую масляную лампу:

— Уважаемая фея, без паники! Если я могу чем-то помочь вашему горю — всегда к вашим услугам!

Фея Фуяо буквально вырвала артефакт из его рук, прижала к щеке и разрыдалась от избытка чувств, всхлипывая:

— Лампа Ала-Дина! Наконец-то... Наконец-то она нашлась!

— И вот эта ржавая посуда — лампа Ала-Дина? — опешил Ван Ба. — Да на ней же ни капли ментальной силы нет. Сестрица, тебя часом не развели как последнюю дуру?

Фея Фуяо гневно округлила глаза:

— Моего ненаглядного Ала-Дина зовут Дин Цянькунь! Его светильник жизни зовется лампой Ала-Дина! Какие, к черту, у тебя вопросы?!

Ван Ба шутливо вскинул руки, признавая поражение. Утерев слезы, фея Фуяо сменила гнев на милость, но во взгляде её скользнуло подозрение:

— Я безмерно тебе благодарна, однако... Не соизволит ли Бессмертный почтенный поведать, откуда у него светильник души моего мальчика?

Ван Ба тут же напустил на себя героический вид в стиле «я готов принять любые обвинения и удары судьбы, но никогда не предам доверившегося мне младшего». Тем временем Чжао Юй поспешил вставить свои пять копеек, ядовито ухмыляясь:

— Позвольте напомнить, уважаемая фея, что именно этот проходимец и покалечил вашего сына! А теперь он заявляется к вам с невинным видом, торгуя фальшивым благородством! Уверен, вся эта история от начала до конца — его грязная интрига!

Ян Чжэн тоже подала голос, мягко зажурчав:

— Уважаемая госпожа, умоляю, не гневайтесь. Наш старший брат действительно нанес раны брату Дину, но у него были веские причины. Во всем виновата лишь я... Но теперь, когда старший брат понес суровое наказание и вернул светильник души, быть может... быть может, вы простите его и предадите бывшее забвению?

Под конец своей речи она густо покраснела, будто ей было неловко просить за обидчика перед лицом несчастной матери. Чжао Юй с досадой похлопал её по плечу, мол, «что за глупости ты

несешь», а сам Ван Ба даже пустил мысленную слезу умиления.

Инь Сянь, проживший на белом свете больше века, только сейчас в полной мере осознал, в чем прелесть переселения душ. В теле Чжао Суя он чувствовал себя невероятно раскованно. Никакого тебе бремени репутации великого Бессмертного почтенного Цзинмина, никаких опасений, что неосторожное слово бросит тень на орден или привлечет внимание дисциплинарного комитета. Полная свобода действий! Можно было со спокойной душой и чистым сердцем смотреть на окружающих как на грязь под ногами.

— Смехотворные потуги, — лениво процедил он сквозь зубы. — Пытаться манипулировать феей Фуюа столь примитивными методами... Сразу видно неотесанную деревенщину.

На душе стало на редкость легко и привольно. Оковы спали, разум очистился. Инь Сянь почувствовал, как барьер культивации, в который он безуспешно бился последние десять лет, затрещал по швам. Прорыв был близок как никогда.

Пока Инь Сянь упивался этим внезапным озарением, Ван Ба, подавленный его внезапно прорезавшейся властной аурой, онемел. Но не успела затянувшаяся пауза нарушить тишину, как с небес громовым раскатом обрушился надменный мужской голос, разлетевшийся эхом над склонами:

— Опять лимита залетная у ворот секты Тайцин побирушничает?!

<http://bllate.org/book/19845/1986224>